

*ДОМСКИЙ Максим Витальевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора исторических исследований Научно-учебной лаборатории междисциплинарных эмпирических исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Пермь). Автор 12 научных публикаций**

СТАНОВЛЕНИЕ РИМСКИХ ИНСТИТУТОВ ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ

В данной работе рассматриваются процессы вовлечения племенных сообществ Германии в политическую систему расширяющейся Римской империи. Основное внимание уделяется временному отрезку, охватывающему события, имевшие место между покорением пограничных германских племен по обоим берегам Рейна и созданием провинций Верхняя и Нижняя Германия (т. е. главным образом I век н. э.). Обсуждаются возможные временные рамки, географические пределы и наиболее вероятные сценарии укоренения новых форм политической жизни на подконтрольных римлянам землях Германии. В числе наиболее вероятных сценариев политического развития региона рассматриваются распространение на германские территории римской провинциальной администрации, формирование института так называемой военной префектуры, а также поэтапное развитие муниципальных структур римского образца. Наряду с указанными сценариями развития политических институтов рассматривается возможность формирования в регионе формально подконтрольной римским властям пограничной зоны и фактически независимых государств-клиентов. В силу особенностей источников, относящихся к рассматриваемому периоду и месту, любые окончательные выводы касательно сроков и итогов процесса распространения римских политических институтов на германской периферии империи кажутся крайне спорными. Вопрос нуждается в дальнейших уточнениях, главным образом связанных с продолжением раскопок в рейнском регионе, а также с обработкой и обобщением уже имеющихся археологических данных. Однако, невзирая на указанные сложности, уже на текущем этапе исследований анализ археологических находок, эпиграфических памятников и письменных источников римского происхождения позволяет утверждать, что процесс политической трансформации римской Германии не предполагал ни единообразия, ни одновременности. Судя по имеющимся свидетельствам, этот процесс был сложен и противоречив, а формы включения германской периферии в римское политическое пространство были разнообразны и могли варьироваться от полного растворения в нем до не более чем формального подчинения империи полунезависимых государств, расположенных вдоль ее северных границ.

Ключевые слова: Германия, Нижняя Германия, *Civitas Batavorum*, провинциализация, муниципализация, государства-клиенты.

*Адрес: 614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38; e-mail: heliand@yandex.ru

Столкновение Рима и его северных соседей во времена Цезаря и Августа запустило процесс вовлечения германской периферии империи в политические рамки римского мира. Увы, течение этого процесса чрезвычайно сложно описать в деталях. Причиной того является исчезновение развернутых, касающихся региона свидетельств, которое последовало за окончанием галльских кампаний Цезаря [1, с. 44]. И хотя начиная со времен Тацита поток сообщений из Германии возобновился, эти сообщения мало расскажут о том, как именно укоренились римские порядки в недавно покоренных германских землях.

Подобное состояние письменных источников делает затруднительными сколь-нибудь однозначные утверждения и является превосходной питательной почвой для дискуссий о времени, формах и пределах установления римского политического контроля над Германией. Вероятно, наиболее полное свое выражение эта дискуссия находит в давних спорах, касающихся возможности существования римских провинций в землях, населенных германскими племенами. Не будучи вполне уверенными, иные исследователи вопроса предпочитают обтекаемо говорить о некоем запуске процесса создания безымянной римской провинции (либо нескольких римских провинций) между берегами Рейна и Эльбой [2, с. 349; 3, с. 30]. Другие же, приняв во внимание упомянутую лаконичность письменных источников, стараются отыскать свидетельства политических преобразований в римской Германии в данных эпиграфических памятниках и результатах археологических исследований разных лет.

Исходной точкой в процессе политической трансформации этой части северной периферии империи считается визит Августа в Галлию. Прибыв в регион в 16 году до н. э., он провел там около трех лет, среди прочих дел наблюдая за реорганизацией обороны восточных галльских границ [4, с. 89]. Эта поездка

вылилась в реформы, в итоге которых на месте прежней Косматой Галлии возникли 3 выкромленные по римскому образцу провинции (*Gallia Belgica*, *Gallia Lugdunensis* и *Gallia Aquitania*) [5, с. 233].

Вскоре после возвращения Августа из Галлий римская экспансия вглубь Германии получила свое продолжение. В 12 году до н. э. Друз начал первую из своих германских кампаний, продлившихся до самой его смерти в 9 году до н. э. и имевших своим следствием расширение границ римского контроля далее на север и восток. Некоторые историки подобно Вернеру Экку полагают, будто Германии по обоим берегам Рейна была уготована судьба очередной римской провинции (о чем говорит хотя бы строительство *oppidum Ubiorum* как культурного, финансового и политического центра будущей провинции) [6, с. 21–22]. Подобные утверждения относительно ее судьбы обычно обосновываются дошедшими сообщениями классических авторов. При этом, как правило, принято ссылаться на Корнелия Тацита, который вскользь сообщил о неких «новых колониях»¹, и на Диона Кассия, бегло упомянувшего неопределенные вновь основанные города².

Однако эта точка зрения не является единственной, и ее противники утверждают, что сообщения названных авторов слишком коротки и слишком туманны для того, чтобы служить прочной основой для сколь-нибудь серьезных выводов касательно пределов римского контроля в Германии. Более того, некоторые из этих исследователей склонны полагать, что, несмотря на успехи римского оружия, земли и племена Германии оказались вне рамок нового римского порядка и что реформы, предпринятые в Галлии при Августе, не были распространены на германскую периферию ни в это правление, ни в ближайшие, следовавшие за ним. С такой точки зрения римская политика в германском регионе могла иметь своей целью лишь поддержание военного и дипломатического

¹Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. I, 59.

²Дион Кассий. *Римская история*. LVI, 18.

контроля на рейнской границе [7, с. 27], которой предстояло превратиться не в провинцию, но в буферную зону [8, с. 526].

Аргументы противников идеи существования римской провинции в Германии в I веке н. э. разнообразны и не ограничиваются одним лишь указанием на чрезмерную лаконичность Корнелия Тацита и Диона Кассия. Несогласные исследователи находят множество способов, чтобы указать на невозможность существования *Germania Magna* или административной единицы с иным названием.

Любопытны, например, наблюдения Чарльза Р. Уиттекера, отраженные в его книге «Рим и его границы». Эта работа помимо прочего содержит весьма любопытный экскурс в историю римской традиции визуализации Германии, которая, конечно же, виделась римлянам в женском облике. Отдельные черты этого облика менялись в течение всего I века н. э. вместе с римскими представлениями о Германии и ее месте в мире. Исходной точкой эволюции образа оказывается женщина с обнаженной грудью и руками, связанными за спиной, рядом с которой можно было видеть вооруженного всадника и надпись, сообщающую его имя: Цезарь Германик [9, с. 117–118]. Позднее в похожем облике пленницы – «*Germania capta*» или «*Germania subacta*» – она появляется на монетах времен Домициана и на изображениях времен Траяна. И лишь в правление Адриана Германия обретает вид почти полностью одетой женщины, лишь одна грудь которой была обнажена. Сопоставляя эти образы Германии, Уиттекер вполне справедливо указывает на то, что вплоть до времен Адриана область, видевшаяся римлянам подобным образом, вряд ли могла быть одной из сколь-нибудь полноправных римских провинций [9, с. 121].

Схожих взглядов относительно статуса Германии придерживается немецкий историк Р. Вольтерс. Он склонен считать, что по итогам походов Друза Рим распространил свою гегемонию на восточный берег Рейна и далее

вглубь Германии. В результате многие племена оказались вовлеченными в разные формы зависимости от имперского правительства. Рим мог частично контролировать дипломатические связи, военную активность, политический порядок и отправление правосудия в зарейнской Германии. Вероятно, он даже планировал превращение региона в провинцию, однако после уничтожения легионов в Тевтобургском лесу воля к восстановлению имперской власти над зарейнской частью Германии была утрачена. И хотя несколькими годами позднее «близ храма Сатурна была освящена арка по случаю возвращения потерянных при гибели Вара значков» и Цезарь Германик отпраздновал триумф над племенами, обитавшими вплоть до самой реки Альбис³, все эти достижения римского оружия не имели своим следствием восстановления римской власти. Даже если проект создания провинции на территории зарейнской Германии когда-либо существовал, на рубеже 16 и 17 годов н. э. он был свернут, а позднее, в правление Клавдия, эти земли были покинуты римскими войсками [10, с. 38]. К вопросу о провинциализации оставшейся в их руках части Германии римские власти вернулись лишь в правление Домициана, когда около 90 года н. э. были образованы провинции Нижняя и Верхняя Германии (*Germania Inferior* и *Germania Superior*) [11, с. 60].

Дальнейшее политическое развитие германского региона в I веке н. э. представляется Вольтерсу скорее как процесс развития «периферийных государств-клиентов» (*peripheral client states*), расположенных на дальних рубежах империи. Эти государства были связаны с империей самыми разными (и подчас довольно прочными) узами, однако их система управления не была подвержена серьезному римскому влиянию.

Модель Вольтерса оказалась достаточно популярной и позднее была дополнена голландским ученым Яном Слофстра (главным образом на примере Нижней Германии и ее составной части – племенной территории батавов).

³Публий Корнелий Тацит. *Анналы*. 2.41.

Слофстра разделяет точку зрения Вольтерса, полагая, будто во времена Августа римляне не создали в Германии политической инфраструктуры «формальных провинций» (*formal provinces*). Он дополняет концепцию Вольтерса понятием «пограничная зона» (*frontier zone*), при помощи которого описывает режим управления германскими районами вдоль обоих берегов Рейна. В этой «пограничной зоне», по его мнению, в рассматриваемый период сложился особый политический порядок, для описания которого Слофстра вводит концепт «военной префектуры» (*military prefecture*).

Военная префектура, учрежденная, как он полагает, во времена Августа, была ключевым римским институтом, ответственным за администрирование германских племенных сообществ. При этом следует заметить, что под администрированием в данном случае подразумевается не выполнение сколь-нибудь полноценного набора управленческих функций, обычных для властей римских провинций, но скорее ограниченный перечень полномочий, связанных с комплектованием вспомогательных войск и сбором дани [7, с. 27].

Слофстра обнаруживает две модели такой префектуры. Первая, по его мнению, была характерна для недавно «умиротворенных» областей и была представлена так называемыми *praefecti gentium*, которые, как правило, являлись отставными римскими офицерами. Вторая же модель префектуры, представленная так называемыми *praefecti civitatum*, была распространена у племен, которые находились в длительных союзных отношениях с империей и потому обладали более высоким статусом. В таком случае префектами становились представители племенного нобилитета, обычно связанные с империей римским гражданством, принадлежностью к сословию всадников и клиентеле правящего дома [12, с. 197, 202].

И хотя префектура такого типа реконструируется не на собственном германском материале (которым она напрямую не подтверждается), но лишь на материале, относящемся к области Коттиевых Альп, ее существование все же

может иметь ряд косвенных подтверждений. К числу таких не прямых свидетельств существования «*praefecti gentium*» в Римской Германии могут быть отнесены многократные упоминания Юлиев, Тибериев и Клавдиев, происходящих из знатных германских семейств, вовлеченных в события Батавского мятежа. Если предположение Слофстра верно, эти семейства вполне могли оказаться источником кадров, замещавших должности префектов.

Дискуссия об установлении римских порядков в подконтрольной части Германии не ограничивается одними лишь спорами вокруг существования в регионе провинциальной администрации или же так называемой военной префектуры. Другим ее аспектом является вопрос о возможной муниципализации (*municipalisation*) региона. Под муниципализацией при этом понимается «учреждение римской гражданской администрации в соответствии с моделью гражданской общины (*civitas*), предполагающей существование кодифицированного права и выборных магистратов» [12, с. 63].

Одним из участников этой дискуссии является Н. Ройманс, так же, как и Я. Слофстра, сосредоточенный главным образом на примере батавских земель (*Civitas Batavorum*). То, что называется муниципализацией, понимается им как постепенный процесс внедрения римских политических институтов в жизнь германских племен. По его мнению, муниципальные структуры в районе расселения батавов появились еще в эпоху Августа. Они, как полагает Ройманс, возникли прежде времени создания римских провинций в Германии (т. е. Верхней и Нижней Германий) и не были точной копией аналогичных римских структур, но представляли собой промежуточные формы политической организации, первоначально опиравшиеся на традиционные германские институты и подверженные лишь формальной «латинизации» (*latinisation*). Институты такого рода Ройманс обозначает терминами «туземная магистратура» (*indigenous magistrature*) или «монархическая магистратура» (*monocratic magistrature*).

Любопытно, что письменные источники умалчивают о существовании таких институтов среди германских племен. В них лишь упоминается факт существования подобных структур в Галлии, отчего германская «туземная магистратура» обретает черты не более чем предположения, основанного на аналогии (как и в случае с властью «*praefecti civitatum*», реконструируемой на альпийском материале). Однако при всей кажущейся ее гипотетичности, поиски этой «туземной магистратуры» оказываются несколько более плодотворными, нежели попытки обнаружения следов предполагаемых провинций или умозрительных префектур.

Следы находившейся под римским влиянием муниципальной жизни (хотя и немногочисленные) обнаруживаются в эпиграфическом и археологическом материале. Одной из лучших тому иллюстраций может послужить надпись на алтарном камне из Рэймел (первая половина I века н. э.). Здесь в статусе «высшего магистрата общины батавов» (*summus magistratus civitatis Batavorum*) фигурирует некто «Флав, сын Вихирмаса». Однако его должность (*summus magistratus*) не укладывается в считающиеся общепризнанными черты римской магистратуры. Ведь последняя, вероятнее всего, основывалась на принципе коллегиальности высших административных функций, тогда как единоличный характер полномочий Флава ясен из самого названия занимаемой им должности. Кроме того, римская магистратура не предполагала замещения подобных должностей лицами, не имеющими римского гражданства. Но именно отсутствие оного следует из единственных имен Флава и его отца. Таким образом, в случае с этой надписью исследователь сталкивается с образцом поверхностной «латинизации» традиционных племенных должностей.

Другим объектом, иллюстрирующим процесс политического включения германских территорий империи, является обнаруженный в 1990-х годах безымянный город времен Августа, известный ныне как Вальдгирмес [2, с. 337] (по мнению ряда исследователей, поселение могло носить имя *Oppidum Chattorum*) [13, с. 210].

Это поселение, первоначально воспринятое как один из многих германских лагерей римлян, удивило своих исследователей присутствием элементов римской городской жизни, в изобилии представленных в любой иной провинции, но до того момента не встречавшихся к востоку от Рейна [2, с. 338; 14, с. 51]. Среди прочего здесь были обнаружены строения, чьи функции могут быть отнесены к «сфере муниципального самоуправления» [2, с. 340–344]. Вероятно, самой интересной из этих находок является форум, считающийся первым подобным строением, найденным севернее Альп [15, с. 111–112]. Образование подобного центра восточнее Рейна, несомненно, указывает на создание политической инфраструктуры римской провинции в регионе и является признаком постепенного перехода от военного покорения к политическому освоению новых территорий.

Роль еще более масштабного примера, иллюстрирующего политические процессы, протекавшие в римской Германии, могло бы сыграть городское поселение, находящееся на территории современного Ниймегена (Нидерланды) и идентифицируемое как упомянутый Тацитом и Птолемеем *Oppidum Batavorum*, или *Batavodurum*. Этот город, вплоть до мятежа Цивилиса выполнявший функции административного центра области батавов, был одним из самых крупных (площадью свыше 20 га) и самых старых городских центров Нижней Германии.

Учитывая характер и продолжительность связи между батавами и Римом, можно было бы ждать обнаружения свидетельств сравнительно глубокого проникновения римских культурных образцов и элементов римской политической организации в жизнь административного центра их области. Именно на такой уровень проникновения римского влияния намекают уже упомянутая надпись из Рэймел и распространение среди батавов культа Геркулеса Магусана (*Hercules Magusanus*), который существовал в Нижней Германии и относился к числу культов, наиболее чтимых ее коренным населением [16, с. 91].

Однако, вместо того чтобы заполнить недостающие части головоломки, центр батавской

территории скорее послужит наглядным примером тех проблем, с какими сталкиваются исследователи, изучающие процесс укоренения новых общественно-политических порядков в римской Германии. Лучше всего эти проблемы иллюстрируются дискуссией вокруг возможности существования форума на территории Oppidum Batavorum.

Некоторые исследователи полагают, будто таковой существовал. Однако подобные предположения основываются лишь на довольно смелой догадке Н. Ройманса, допускающего, что обнаруженные фрагменты колонны Тиберия и мраморной статуи, в которой угадывается облик Юлия Цезаря (хотя не лучшая сохранность черт лица делает возможными разночтения), могут указывать на существование форума в Oppidum Batavorum [12, с. 204]. Но даже если таковой действительно существовал, его существование вряд ли сможет свидетельствовать в пользу усвоения батавами римских культурных и политических образцов, т. к. этнический состав населения города вызывает не меньше споров, чем возможность существования форума в нем или же правомерность опознания Цезаря в статуе с поврежденным лицом.

Суть проблемы в том, что ко времени публикации наиболее значимых работ, посвящен-

ных археологии батавского региона, была исследована лишь незначительная часть площади Oppidum Batavorum (менее 10 %). Информация о многих находках из Ниймегена до сего дня не была опубликована, и потому построение окончательных выводов, касающихся этого объекта, кажется преждевременным. Нечто подобное верно и для многих других объектов, обнаруженных в рассматриваемом регионе.

Можно предполагать, что ясность в дискуссию о географических пределах и механизмах укоренения новых форм политической жизни на территории римской Германии в рассматриваемый период (I век н. э.) будет внесена лишь тогда, когда данные об основной части германских находок последних десятилетий будут обобщены и опубликованы. Однако уже сейчас с уверенностью можно говорить о том, что прежде создания провинций при Домициане сценарии политического взаимодействия между Римом и его германской периферией были весьма разнообразны. Формы включения германских территорий в пространство римской политической жизни могли варьироваться от полного растворения в нем (в тех случаях, когда речь идет о получении гражданства целыми германскими общинами) до почти формального подчинения империи полунезависимых государств, расположенных вдоль ее границ.

Список литературы

1. *Wightman E.M.* Gallia Belgica. Berkeley, 1985.
2. *Becker A.* Lahnau-Waldgirmes: Eine augusteische Stadtgründung in Hessen // *Historia*. 2003. B. LIII/3.
3. *Schnurbein von S.* Germanien in römischer Sicht. Germania Magna und die römischen Provinzbezeichnungen // Zur Geschichte der Gleichung «germanisch-deutsch»: Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen / Ed. H. Beck. Berlin; N. Y., 2004.
4. *Wells P.S.* The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe. Princeton; N. J., 1999.
5. *Goodman M.* The Roman World 44 BC – AD 180. London, 2012.
6. *Eck W.* Augustus und die Großprovinz Germanien // *Kölner Jahrbuch*. 2004. № 37. S. 11–22.
7. *Slofstra J.* Batavians and Romans on the Lower Rhine. The Romanisation of a Frontier Area // *Archaeol. Dialogues*. 2002. Vol. 9, № 1. P. 16–38.
8. *Rüger C.* Germany // *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 2006. Vol. X.
9. *Whittaker C.R.* Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire. London; N. Y., 2004.
10. *Luttwak E.* The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third. Baltimore, 1976.
11. *Drinkwater J.* Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC-AD 260. London, 1983.

ИСТОРИЯ

12. Roymans N. *Ethnic Identity and Imperial Power*. Amsterdam, 2004.
13. Strobel K. Vom marginalen Grenzraum zum Kernraum Europas: Das Römische Heer als Motor der Neustrukturierung historischer Landschaften und Wirtschaftsräume // *The Impact of the Roman Army (200 B.C. – A.D. 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden; Boston, 2007.
14. Todd M. *The Early Germans*. Oxford, 2004.
15. Enkevort von H. The Roman Military Complex in Nijmegen // *Archaeology in Confrontation: Aspects of Roman Military Presence in the Northwest* / ed. by F. Vermeulen, K. Sas, W. Dhaeze. Ghent, 2004.
16. Roymans N. *From the Sword to the Plough: Three Studies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul*. Amsterdam, 1996.

References

1. Wightman E.M. *Gallia Belgica*. Berkeley, 1985.
2. Becker A. Lahnau-Waldgirmes: Eine augusteische Stadtgründung in Hessen. *Historia*, 2003, vol. LII/3.
3. Schnurbein von S. Germanien in römischer Sicht. *Germania Magna und die römischen Provinzbezeichnungen. Zur Geschichte der Gleichung „germanisch-deutsch“: Sprache und Namen, Geschichte und Institutionen*. Ed. by H. Beck. Berlin; N. Y., 2004.
4. Wells P.S. *The Barbarians Speak: How the Conquered Peoples Shaped Roman Europe*. Princeton; N. J., 1999.
5. Goodman M. *The Roman World 44 BC – AD 180*. London, 2012.
6. Eck W. Augustus und die Großprovinz Germanien. *Kölner Jahrbuch*, 2004, no. 37, pp. 11–22.
7. Slofstra J. Batavians and Romans on the Lower Rhine. The Romanisation of a Frontier Area. *Archaeol. Dialogues*, 2002, vol. 9, no. 1, pp. 16–38.
8. Rieger C. Germany. *The Cambridge Ancient History*. Cambridge, 2006. Vol. X.
9. Whittaker C.R. *Rome and Its Frontiers: The Dynamics of Empire*. London; N. Y., 2004.
10. Luttwak E. *The Grand Strategy of the Roman Empire: From the First Century A.D. to the Third*. Baltimore, 1976.
11. Drinkwater J. *Roman Gaul: The Three Provinces, 58 BC-AD 260*. London, 1983.
12. Roymans N. *Ethnic Identity and Imperial Power*. Amsterdam, 2004.
13. Strobel K. Vom marginalen Grenzraum zum Kernraum Europas: Das Römische Heer als Motor der Neustrukturierung historischer Landschaften und Wirtschaftsräume. *The Impact of the Roman Army (200 B.C. – A.D. 476): Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects*. Leiden; Boston, 2007.
14. Todd M. *The Early Germans*. Oxford, 2004.
15. Enkevort von H. The Roman Military Complex in Nijmegen. *Archaeology in Confrontation: Aspects of Roman Military Presence in the Northwest*. Ed. by F. Vermeulen, K. Sas, W. Dhaeze. Ghent, 2004.
16. Roymans N. *From the Sword to the Plough: Three Studies on the Earliest Romanisation of Northern Gaul*. Amsterdam, 1996.

doi: 10.17238/issn2227-6564.2016.3.24

Maksim V. Domskiy

National Research University Higher School of Economics
38 Studencheskaya St., Perm, 614070, Russian Federation;
e-mail: heliand@yandex.ru

THE CREATION OF ROMAN INSTITUTIONS IN GERMANIA

The paper examines how the expanding Roman Empire shaped the political life of tribal communities in Germania in the 1st century AD. It focuses primarily on the time span between Rome's subjugation of Germanic tribes on both sides of the Rhine and the creation of the provinces Germania Inferior and Germania Superior (i.e., primarily the 1st century AD). The creation of provincial administration,

military prefecture and the development of magistracies are considered among the most likely scenarios leading to the growth of Roman or Roman-style institutions in Germania. In addition, the possibility of creating a loosely controlled border area and semi-independent client states on the northern frontier of the Roman Empire is discussed. No clear or exact conclusions about how and when Roman governmental structures were established in Germania Romana can be drawn with regard to the state of the ancient source material. Thus, much additional investigation is required. The most important expectations concern further excavations in the Rhine region as well as publication of all results of recent excavations. However, regardless of the difficulties mentioned above, an analysis of literary, epigraphic and archaeological sources shows that the process of political change in Germania implied neither uniformity nor synchronism and that the ways to transform political life on the barbarian periphery were numerous. According to the sources available, these ways were rather intricate and varied from a complete assimilation of Germanic communities to no more than superficial political subjugation of client states neighbouring the empire.

Keywords: *Germania, Germania Inferior, Civitas Batavorum, provincialization, municipalization, client states.*

Поступила: 12.09.2015